

Макарова О. С.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО КЛАССА "GEIST IST EIN MENSCH ODER EIN BEGRIFF (GEGENSTAND)" В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/38.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 86-88. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

гаемым во всём: в своей пронизательности, интуиции, сообразительности. Он также принадлежит миру природы, но стоит на другом уровне и потому способен одержать верх. Сам Мануэль это ощущает: «Мануэль поглядел на чучело быка. Он не раз видел его и раньше. Он питал к нему что-то похожее на родственные чувства».¹ Так, коррида высвечивает лучшие человеческие качества, демонстрирует красоту борьбы.

И еще один значимый символ раскрывается перед нами. Действия матадора глубоко ритуальны. Все эти из поколения в поколение передаваемые приемы боя - паса де печо, паса натурале, рекорте, вероники и суэрте для него не просто условности, а нравственный постулат, позволяющий осознать свободу единственно возможного выбора. И даже если публика не понимает его, требует чего-то иного - зрелищности, остроты ощущений -- матадор навсегда останется верен себе, он не отступит от «правил игры», своеобразного кодекса. Рискованное ремесло матадора не бессмысленно, он занимается этим не ради потехи публики и не только ради вознаграждения. Он соединяет в себе презрение к опасности с профессиональной щепетильностью. Едва ли можно говорить о безрассудности его риска. По мысли писателя, в нестабильном обществе, постоянно чреватом войной, угрозой насильственной смерти (после мировой войны это настроение у Хемингуэя было особенно сильным), тот, кто бережет жизнь и тот, кто ею рискует, в равной мере подвергаются опасности.

Таким образом, для Хемингуэя фиеста и находящаяся в центре неё коррида вовсе не путешествие в экзотику, а многозначный философски-нравственный символ. Он даёт автору богатую пищу для размышлений о судьбе человека в современном мире, его способности с честью выносить тяжелое испытание и одерживать нравственную победу, даже потерпев физическое поражение.

События последующих десятилетий - поражение республиканцев в Испании, разгул «холодной войны», казалось, должны были привести писателя к мысли о том, что человечество так ничему и не научилось, к разочарованию, утрате веры в людей. Однако его позднее произведение - повесть-притча «Старик и море» (1952), за которую автору была присуждена Нобелевская премия, с новой силой ознаменовала его веру в мужество и достоинство человека - тему, которая была обозначена уже в ранних рассказах. Вместе с другими лучшими произведениями Хемингуэя повесть примыкает к великой традиции мировой литературы, которая утверждает победу человеческого духа несмотря на испытания. Устами главного героя, старика Сантьяго писатель говорит, что «человек не для того создан, чтобы терпеть поражение».

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО КЛАССА «*GEIST IST EIN MENSCH ODER EIN BEGRIFF (GEGENSTAND)*» В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Макарова О. С.

Волгоградский государственный педагогический университет

Исходя из проблематики творчества Ф. Ницше, мы считаем возможным выявление указанного в названии лексического класса, поскольку каждая мысль автора, объективирующая тот или иной концепт и распредмеченная посредством метафорического переноса, заключает в себе оппозиционную амбивалентность образных аналогий. Нам кажется целесообразным рассмотреть проблему индивидуальной концептосферы элитарной языковой личности с позиции определенных лексических классов, выделенных посредством основного субъекта сравнения [Москвин 2006: 129].

Лексический класс «*Geist ist ein Mensch oder ein Begriff (Gegenstand)*» служит наглядным примером вышесказанного в связи с одинаковыми статистическими данными (по 9%), свидетельствующими о равноправности метафорических единиц «*дух как человек*» и «*дух как понятие или предмет*».

С учетом структурной классификации метафор В. П. Москвина *развернутая метафора* является наиболее продуктивным средством оформления идей элитарной личности. При этом своеобразии многочисленных единиц проявляется в наличии размышлений и комментариев философа, в которых метафорический образ репрезентирован группами лексем.

Мир, в котором живет человек, все больше напоминает собой некую систему правил, законов и устоев, которые в определенной степени ограничивают волю человека действовать соответственно своим целям и желаниям. Общество настолько сужает рамки, в том числе и для моральных возможностей индивида, что личность, как подчеркивает мыслитель, начинает духовно деградировать: «*einst war der Geist Gott, dann wurde er zum Menschen und jetzt wird er gar noch Pöbel*» [Nietzsche 1976: 43]; в связи с данным фактом он упоминает о духе как «*Plebejismus des Geistes*» [Nietzsche 1999: 605] и «*Prostitution des Geistes*» [Nietzsche 1999: 403]. Кроме того, человек в современном обществе, страдая от всего того, что создано им самим, пытается бороться за возможность возвращения к духовным ценностям, что раньше казалось само собой разумеющимся, но в настоящий момент оказывается уже забытым и неизвестным: «*hier war der Geist mit fremden, noch namenlosen Bedürfnissen*» [<http://gutenberg.spiegel.de/nietzsch/tragoedi/>].

В ряде апелляций к бинарной, генетивной метафоре в основе метафорического переноса заложено сравнение духа с какой-либо профессией. Обратим при этом внимание на выбор профессий Ф. Ницше. Речь идет о деятельности, где люди способны повелевать и брать на себя принятие неких решений: «*der Ladendiener des Geistes*» [Nietzsche 1999: 615]; «*die höchsten Richter des Geistes*» [Nietzsche 1999: 449]. С другой стороны, прослеживается тенденция к случаям называния, в которых дух действует в воздухе «*Luft - Schiffsfahrer des*

¹ Там же. - С. 139.

Geistes» [Nietzsche 1999: 331]; «*Athleten und Festturner des Geistes*» [Nietzsche 1999: 541]. Мы полагаем, что выбор данных профессий философом закономерен. Подразумевая свободу в определении условий своей деятельности, дух, как и человек, в таком контексте относительно независим от каких-либо условностей, сохраняет возможность действовать согласно своему пониманию ситуации.

Ценность духа для самого философа, его положительное отношение к данному понятию Ф. Ницше выражает в примерах, где дух выступает творцом и благодетелем всего окружающего - «erhöht ist da euer Leib und auferstanden; mit seiner Wonne entzückt er den Geist, dass er *Schöpfer* wird und *Schätzer* und *Liebender* und *aller Dinge Wohltäter*» [Nietzsche 1976: 78].

Некое высокомерие по отношению к людям низшей расы, возможность вести праздную жизнь актуализировано бинарными метафорами - «*die geborenen Aristokraten des Geistes*» [Nietzsche 1999: 172]; «wie gut, dass er *wie ein zärtlicher dumpfer Eckensteher immer zu Hause*, immer bei sich geblieben ist» [Nietzsche 1999: 19]. В примере «*wie Wagehalse des Geistes*» [Nietzsche 1999: 352] автор подчеркивает отвагу духа.

Как известно, интерес философов направлен на интерпретацию, новое видение уже существующих в языке реалий «деятельности» мысли, а не на их создание, поэтому, по мысли Ф. Ницше, важно сделать понятным и ясным уже «все случившееся и оцененное». Примеры метафорического осмысления, в которых дух соотносится с каким-либо понятием, предметом, ярко олицетворяют высказанное выше суждение. Обыденные вещи, выбранные автором в качестве образного сравнения, всесторонне раскрывают сущность выявленного нами концепта, свидетельствуют о его ценности в общей концепции мыслителя.

Насколько ценна жизнь для человека, настолько бесценен и дух личности, что выражено в образном метафорическом значении «*Geist ist das Leben, der selber ins Leben schneidet*» [Nietzsche 1976: 107].

Используя некоторые периоды жизни для характеристики духа, философ приписывает ему определенный возраст (чаще всего юный). Временная шкала позволяет ассоциировать дух с периодом юности «*in jener unschuldigen, reichen, noch jugendlichen Zeit des Geistes,...*» [Nietzsche 1991: 17]; периодом беременности «*von Schwangerschaften und Kindsbetten seines Geistes*» [Nietzsche 1999: 619].

Интересен пример, в котором Ф. Ницше говорит о каникулах для духа «*als eine Art Ferien für Geist*» [Nietzsche 2000: 86]. Автор как бы старается подчеркнуть, что молодость - это тот этап жизни, которым необходимо дорожить. Некая внутренняя усталость приходит уже с возрастом, вызывая часто чувство внешней и внутренней неудовлетворенности, что нетипично для периода юности: «*die Erschöpfung des Geistes*» [Nietzsche 1999: 514]; «*die Ermüdung des Geistes*» [Nietzsche 1999: 688]; «*mit einer gewissen Armuth des Geistes*» [Nietzsche 1999: 427].

Наиболее точная характеристика духа в понимании самого художника, в которой он противопоставлен человеческому началу, с одной стороны, а с другой - снабжен составляющей, типичной для человека-повелителя, находит свое отражение в примере «*das befehlerische Etwas, das vom Volke der Geist genannt wird*» [Nietzsche 1991: 157].

Мы уже упоминали, что дух в представлении автора мыслится как некий феномен, представляющий собой какой-либо предмет или какое-либо понятие, собственно говоря, сущность, противоположную человеку. Такое определение концепт получает также в метафорических развертках, состоящих из целых высказываний, где дух и составляющие организма соотносятся между собой. В адъективной метафоре «*kein verdorbener Magen ist nämlich ihr Geist*» [Nietzsche 1976: 207] - дух - это желудок; в генетивной метафоре «*Augenschließen des Geistes*» дух представлен как акт закрывания глаз; дух как кровь рассмотрен в метафорической цепочке, где посредством соотнесения с кровью, дух мыслится автором как истинная ценность, присущая далеко не каждому человеку: «*von allem Geschriebenen liebe ich nur Das, was Einer mit seinem Blute schreibt. Schreibe mit Blut: und du wirst erfahren, dass Blut Geist ist*» [Nietzsche 1976: 43].

Стремясь к совершенству, личность должна избавляться от тех составляющих, которые стоят на пути достижения данной цели. Именно эту идею автор пытается донести в уже упомянутых случаях, а также наглядным метафорическим конструктом «*der Geist gilt uns gerade als Symptom einer relativen Unvollkommenheit des Organismus*» [Nietzsche 1986: 27].

Справедливо соотнести с описанными выше примерами случаи, где Ф. Ницше описывает дух как нечто индивидуальное и неповторимое для каждой личности. Такое понимание философом интересующего нас концепта представлено следующим примером: «*so aber gleicht er einem wohingefüllten und immer neu sich füllenden Warenmagazin, welches Käufer jeder Art anlockt*» [Nietzsche 1999: 84].

В центре внимания немецкого философа оказываются и такие вторичные номинации, которые олицетворяют его одобрение по отношению к новому, нарождающемуся духу: «*lassen wie diese Curiositäten und Complexitäten des modernsten Geistes, an denen ebensoviel zum Lachen als zum Verdriessen ist*» [Nietzsche 1999: 408].

Распространенность лексического класса «*Geist ist ein Mensch oder ein Begriff (Gegenstand)*» (18%) позволяет сделать заключение об определенном противопоставлении Ф. Ницше внешних и внутренних характеристик концепта «Geist». Такая оппозиция выражена условным разделением собранного нами фактического материала на 2 подгруппы - «дух - это человек» и «дух - это понятие или предмет», объективировавшие данный лексический класс.

Список использованной литературы

1. **Москвин В. П.** Стилистика русского языка: Теоретический курс. - Ростов н/Д: Феникс, 2006. - Изд. 4-е, перераб. и доп. - 630 с.
2. **Nietzsche F.** Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. - München, 1976. - 368 S.
3. **Nietzsche F.** Antichrist. - 1986. - 125 S.
4. **Nietzsche F.** Die fröhliche Wissenschaft // Morgenröte. Idyllen aus Messina. Die fröhliche Wissenschaft. - München, 1999. - S. 5-345.
5. **Nietzsche F.** Die Geburt der Tragödie. Versuch einer Selbstkritik. - <http://gutenberg.spiegel.de/nietzsch/tragoedi/tragoedi.htm>
6. **Nietzsche F.** Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert. - Frankfurt am Main, 2000. - 123 S.
7. **Nietzsche F.** Jenseits von Gut und Böse // Jenseits von Gut und Böse. Zur Genealogie der Moral. - Stuttgart, 1991. - 452 S.
8. **Nietzsche F.** Menschliches, Allzumenschliches I // Menschliches, Allzumenschliches I und II. - München, 1999. - 715 S.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АОРИСТА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОЛОГА XVI ВЕКА

Маркова Т. Д.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Пролог - один из **уникальнейших** видов древнейших памятников славянской письменности. Он представляет собой переводной сборник более или менее определённого состава, содержащий заимствованные из различных источников краткие жития святых, расположенные в календарном порядке, а также тексты назидательного характера [Перетц 1915: 282]. Л. П. Жуковская, отмечая **особую роль, которую играл Пролог в обиходе Древней Руси, в формировании культуры и, в частности, литературного языка**, пишет: «Пролог - это своеобразная «библиотека избранных произведений» средневекового читателя, библиотека популярной литературы, доступной каждому читателю и внедрённой в сознание ещё большего числа слушателей» [Жуковская 1983: 110].

Исследователи подчёркивают особое место, занимаемое Прологом именно в древнерусской культуре, обусловленное **актуализированной назидательностью этой книги**. Достаточно быстро выйдя из церковного употребления, Пролог стал неотъемлемой частью домашнего и келейного досуга - книгой, более популярной, чем Синаксарь в Византии [Лебедева 1983: 51].

Пролог **феноменален** не только в функциональном, но и в языковом аспектах. Будучи переводным компилятивным памятником письменности, Пролог, однако, является **творческой переработкой** содержания оригинальных источников. Древнерусский книжник, создавая перевод Пролога, гармонизировал текст, подчиняя его единой композиционной и социальной задаче [Давыдова 1990: 266]. Из-под пера древнерусского переписчика чаще всего выходил **не просто список, а именно редакция, творческий пересказ с элементами интерпретации**. Это позволяет исследователям квалифицировать Пролог как оригинальное сочинение, лишь основанное на переводе с греческого Синаксаря: «...русский Пролог стал сборником очень органичным, очень устойчивым, очень читабельным для людей самого разного уровня грамотности; многие его тексты обнаруживают большую близость к произведениям фольклора» [Лебедева 1983: 42].

Вместе с тем **языковые особенности Пролога** до сих пор **не описаны**, хотя, исследователи единодушны в признании актуальности данного вопроса. Естественно предположить, что, имея непосредственное отношение к церковно-славянской книжности, Пролог должен отражать особенности церковно-славянского языка соответствующего периода. Однако специфика создания текста Пролога, связанная с творческим редактированием и переложением источника книжником-переписчиком, не могла не привести к проникновению в текстовое пространство Пролога древнерусской речевой стихии. Особенно заметно это в **Прологе XVI в.** - памятнике, принадлежащем эпохе, чрезвычайно сложной как в социально-историческом, так и в культурно-языковом отношении. Реально дошедшие до нас списки Пролога (с XIII по XVIII вв.) могут быть как годовыми (начинающимися с сентября) и полугодовыми (начинающимися с сентября и марта), так и кварталными (с сентября, декабря, марта, июня) и даже помесечными [Жуковская 1983: 110]. Материалом исследования, по результатам которого написана данная статья, послужил августовский Пролог XVI в., хранящийся в Институте рукописной и старопечатной книги г. Нижнего Новгорода.

Традиционно ведущей морфологической категорией любого древнерусского и церковно-славянского текста является **глагол**. Именно глагольные формы задают предикативные и модальные параметры текста, транслируют коммуникативную установку автора, определяют композиционную логику и смысловую иерархию, притягивают соответствующий лексический материал.

К XVII веку разнообразные процессы, связанные с изменениями в области древнерусского глагола, в основном завершили. К наиболее заметным результатам этих изменений относится **реформа подсистемы прошедших времен глагола и формирование категории глагольного вида**. **Взаимосвязь** названных результатов несомненна [Маслов 1963: 197-229]. Исследуя язык древнерусских летописей, исторических повестей, житий и деловых документов второй половины XVI века, С. Д. Никифоров приходит к выводу о том, что в указанный период в разговорно-деловой древнерусской речи XVI века не обнаруживается форм аори-